

Не прокричал и разу петух, как на базарном месте стал появляться люд. Они суетились, раскладывая свой товар, и активно обсуждали предстоящий день. Все говорили, что будет ладная погода: солнце лучилось как Каал¹, на небе же редкие маленькие облачка пробегали мимо ближайших гор. К слову, в городе, что стоит на возвышении, тоже ворота открыли раньше обычного. Сегодня здесь намечается большая ярмарка в честь начала лета!

К полудню от народа было не протолкнуться, от разнообразия вещей разбегались в стороны глаза, от шума закладывало уши. Балаган, вы скажете, но всем нравилось: что детям, что взрослым. Именно здесь начинается история молодой девы Акции – увлечённой поиском всего, что связано с древним народом Хосимы, жившим более чем сто зим назад. В этой толпе искательница слегка выделялась от остальных: она носила плотно сшитую рубаху из льна и серые шаровары и простые побитые кожаные сапожки, но-

сила пыльный от долгой дороги плащ с накидкой на голову. Она спокойно шла среди потока людей и бегло смотрела по сторонам в желании увидеть кого-то знакомого. Иногда останавливалась поглядеть на разные находки и различные инструменты для любого ремесленника. Однако её глаза искали лишь одного гончарного мастера, что живёт в округе и точно торгует по сей день. Найти оказалось непростой задачей. Аксия обошла пару раз всю ярмарку, спросила у нескольких людей. Казалось, что судьба ей не улыбнулась, но тут взор упал на идущую мимо старую телегу, которая гремела всякой утварью, и она направилась к пустым местам в конце ряда. В этот раз дева пошла значительно медленнее, чтобы присмотреться к окружению и человеку, которого нашла. На вид он не стар, но и не молод, белеса появились в неровно подстриженных коротких волосах, однако смольный чёрный цвет всё также силён. Короткая борода росла неровно, но придавала уважаемый вид. Одет же в простую грязную рубаху и порты, грязные лапти, обхватывал верх тёмно-синий изорванный кушак. Ещё был мальчик – ну очень похожий на отца в своих чертах и грязной одежде, которая, к слову, имела более опрятный вид и не имела прорех.

Отец и сын не спеша стали доставать свои глиняные поделки и ставить на прилавок. Руками делали дело ловко, но молча. Точно не единожды раз повторяли этот «ритуал». Они привезли много чего: миски, кувшины, кружки и фигурки различных животных.

– Скажи, мил батюшка, где могу Вурта найти здесь? – девица медленно подошла к семейному дуэту и немного оробела от своего вопроса. Сынишка удивлённо заморгал глазами, перебегая взглядом от папы к неизвестной деве.

– Вурта спрашиваешь, значит? – низкий спокойный голос заговорил не сразу. – А не знамо таких на моей памяти. Вон, на торжках, мож, кто и знает.

– Мне сказали, что тут нужно. Далёкий привет несус с собой с юга. От Негории, – юная особа не отрывала очей от лица мужичка. На последнем её слове его дыхание на миг схватило, от удивления усталился на скрытое под накидкой милое лицо. На вопрос же «Кем будешь, доченька?» она сняла с головы накидку. Чёрные, как ночь, его глаза встретились с другими – цвета молодой зелени.

– Аксия?! – только и вырвалось из уст мужа. – Ты ли это, или чудится мне?

– Я, дядюшка! – она быстро подошла и крепко обняла того, кого не видела с самого детства. Невольно на девичьих глазах проступили слёзы. Вурт захохотал от радости неожиданной встречи и в ответ прижал к себе девицу.

– Дела-а! Вот так-день-то! Как ты так далёко забрела от родного дома? Одна, что ли? Ну, чудеса! Кака вымахала, краса, зуб даю! Ни разу б не

признал вот так среди люда. Да, говори, а то я, малость... погоди! – раздобревший муж разглядывал деву и трещал без умолку. Как можно быстрее он стал перекидывать всё из телеги на кривой прилавок. – А это тут мой сын, старший! Настором назвал. Сына, язык проглотил? Скажи чего-нить! Ай, только очами и хлопать умеешь. Ладно, давай отойдём, доченька. Тяжко тут стоять, шуму сколько.

Они медленно отошли поближе к большой дороге, где люда стало намного меньше и тише, чтоб лучше говорилось. Первой начала она:

– Дядюшка, милый, всё расскажу. Я еду на север к горам Кушо. Мастер Пилай созвал на то место всех, кто умеет и дело знает по народу древнему. Хочу успеть, дабы без меня ничего важного не отыскиали!..

– Как там Негория? Не томи меня, родненькая! Что-то случилось? – Вурт перебил Аксию, ибо не терпелось узнать хоть какую-нибудь весть от любимой сестры. Последние несколько зим он отправлял весточки, но ответа так и не приходило.

– Мамочка... хорошо, только болеет. Всё станет только лучше! Папа остался возле неё, хранит её, как жизнь. А я... я уехала искать не только кости. Ходит молва, что мудрецы тех лет знали спасение от любой хвори. Нужно отыскать эти знания как можно скорее!

– Аж от сердца отлегло. Спасибо тебе, кровь моя, успокоила. Я после празднеств мигом поеду к ней, хоть путь и далёкий. Дорога та же? Ну и чудно, – Вурт нахмурил брови и на момент задумался, а потом продолжил: Съездим до моей избёнки, дам тебе еды. Не отказывай, я так решил! Нечего тут землю топтать, айда!

До двора они добрались скоро, ибо сама деревенька стоит не так далеко от места ярмарки. Жилище гончара отличалось от соседских большой гончарной мастерской, пристроенной к невысокой избушке. Даже печка была в доме такая, что можно топить по-белому. Дядюшка собрал съестного в котомку – чего очи углядели, побежал в погреб и попросил его подождать. Немного погодя, он появился вновь, но в руках держал небольшой пергаментный свёрток. Дышал тяжело, даже дрожал:

– Это показывать тут нельзя, ни в коем разе! Возьми этот оберег. Его давно я сам носил. И тебя сбережёт, но будь осторожна: Баль² опасен, если носить его без перерыва. Могут руки слабнуть, сон плохой будет, но спасёт от любого проклятья и смертельных ран. Держи, – муж протянул подарок в женские руки. Аксию слегка приоткрыла пергамент и увидела темно-зеленый самоцвет, обернутый кусочками ткани.

– Спасибо, дядюшка, но... я не могу его принять, – на лице девицы читался страх и отвращение к этому цветному чуду мира. – Честное слово, аж сердце в пятки уходит...

– В нём нет ничего, что может тебе сейчас навредить. Просто положи в мешок, храни рядом. Так он окажется не хуже огородного камня. Я настаиваю. Сей же час убери его к себе и не вспоминай, куда не пригодится. Лучше б, конечно, этого не случилось, – голос Вурта при этом разговоре заметно притих.

– Пусть будет так. У меня тебе есть гостинец, от нас с мамой, – Аксия уже говорила шёпотом, будто у стен «были уши». Она достала из поясной сумки кусочек горной породы, размером с детский кулачок. Брови мужичка от удивления поднялись кверху. Необычность камня являлась в том, что изнутри бледно струились все известные цвета этого мира. – Я нашла его по пути сюда, у речки Лус. Мне он не греет сердце.

– Храни тебя Солнце, ясная ты моя! Таких отродясь не видывал. Это мне? Ну спасибо! Будет чем заняться после торжков. Погляжу, какими чудесами этот обладает камень, – Вурт осматривал каждый скол, каждую выбоинку на свету своими умными чёрными очами. Он явно знал, что можно сотворить с этим подарком в скором времени. Оглядев комнату, гончар и самоцветных дел мастер схватил маленький льняной платок и завернул туда гостинец.

– Благодарю тебя, и много раз благодарю! Пойдём, я верну тебя и дам ребят в охрану до большака. Не отказывай мне! Я просто хочу видеть тебя, но уже на пути обратном. Уже светило уходит вниз, надо поспешить, иначе тьма застанет, где много хищников.

– Я не забуду твоей доброты, дядюшка! – Аксия широко улыбнулась и натянула накидку на голову. До ярмарки ехали да общались обо всём: природе, князях, о былом и грядущем. Гончар и тайный златарь слово сдержал – с девицей уехало два добрых молодца с наказанием, чтоб ни волосок с головы её не упал. Вурт знал, что храбрая Аксия вернётся, но как скоро? Сердце недобро сжалось в груди.

Спустя три дня молодая девица и почти четыре десятка искателей без бед добрались до красивейших и могучих гор Кушо. Мастер Пиляй собирал вече и указал место поиска – возле реки Урсут. Там поставили большую стоянку, начали поиски от истока, постепенно переходя на горную часть. Они приехали именно сюда после находки в одной из северо-восточных пещер скальных надписей, где говорилось о большом поселении у «самых больших природных твердей, что касаются небес». Место оказалось чудесным: бурная и широкая река с рыбой; к востоку начинался пышный зелёный лес, богатый живностью и ягодами; высокие скалы, где можно прятаться от хищников и недругов.

Дело сначала спорилось: совсем скоро они нашли маленькие пещеры, но полезного оказалось мало. Каменные резцы отлично сохранились, нашлись в глине вырезанные из дерева фигурки. Часть искателей с помощью острых палок из железа взобрались выше и в снегах искали занесённые или

заваленные проходы. Мастер Пиляй всё чаще впадал в тоску, ведь он знал об этом месте так много, но находил так мало! За десяток дней они не приблизились к истории одного из загадочных народов мира. Многие начинали шептаться, что это не то место и нужно уходить. Люд всё чаще ругался, кто-то даже оставил место и на рассвете уехал.

Удачей и называли даже найденные мелкие самоцветы, но их сразу прятал у себя и изучал Мастер. Все до единого боялись князя Велеслава. Однажды у вечернего костра люд молвил, что его страшная страсть – найти первым Мо-си³. Только Аксия с огнём в сердце цеплялась за каждый странно лежащий камень или провалившийся лёд. Она просто не могла приехать ни с чем! И вот же удача для всех: глубоко под слоем льда и камней отыскался вход в широкую пещеру, из которой уходило множество проходов. Худо выглядело это место. Обвалы то и дело не давали ступить дальше пяти десятков шагов. Искатели подпирали верх везде, поэтому брусья быстро закончились. Было решено, что часть искателей уйдёт в ближайший лес делать новые.

Пока оставшиеся лениво копали проход, Аксия не могла усидеть на месте: ей не терпелось узнать тайны древних, найти другие пути внутрь. Как-то раз она ушла к реке с обратной стороны горы наполнить фляги и унять кручину. Её не покидала дума глубокая, что они все ищут не там. Наверняка есть и другие места, о которых так просто не узнать. Девица взбиралась всё выше по бурному течению, которое круто уходило вверх. Так можно было оказаться на самой вершине горы, но на одном из коварных камней нога Акции соскользнула, и юная дева полетела в воду. Холод в тот же миг сковал тело, перехватил дыхание. Почти сразу ударилась головой, её опасно несло вниз через все острые пороги. Мысли покидали её, как и силы. Избитое и израненное тело девицы вынесло на камни прямо к узкому неприметному проходу в скалах, где вода была не такая бурная. Без памяти она доползла туда и уснула.

Когда открылись её зелёные очи, наступал закат. Мокрый и холодный камень обжигал щёку. Жгло всё тело, со лба капала кровь. Увиденное заботило взор больше, чем раны. Проход был чистым, и в нём на сводах горели маленькие самоцветы, словно освещая путь. Похоже, что это очередной ход в пещеры, в которых жили Хосимы. Но почему так далеко от остальных? Новая буря огня захлестнула деву – она первая, кто видит подобное. Страсть как хотелось самой тут всё осмотреть, потом уже она расскажет о находках Мастеру и остальным. Но нужно как-то вернуться за огнём и инструментами, а нога болела сильно. Она сюда обязательно вернётся!

Через день Аксия высматривала все рисунки и руны на стенах тайного жилища. Факел в её руке полыхал тут ярче обычного, с ним она нашла три тесных и узких прохода. Они вели почти в одну сторону, но не в ту, где

остальные нашли одни завалы. Первый ход, самый левый из них, вёл куда-то вниз, и ходить туда решительно не хотелось – каменные ступеньки слишком скользкие и стёртые, а внизу давно всё залила вода. Девица-искатель бродила по среднему туннелю, пока не дошла до завала из мелких камней. Акции захотелось их разобрать, но они оказались тяжёлыми, хоть и были размером не более головы. Такое дело для девицы давалось с трудом. У самого свода открывалась щель, где можно осветить другую часть за завалом. Дева быстро забралась наверх, убрала камни и огнём разогнала тьму. Вот только взор застыл, и бросило в холодный пот: впереди лежала большая овальная комната и имела тёмное свечение, словно невидимые внимательные глаза сие мгновение наблюдали за ней. В центре, в окружении самоцветов всех цветов, лежал чёрный, как ночь, и блестящий самоцвет. В ужасе она бросила факел и ушла прочь на поверхность – стало тяжело дышать, и стены будто смыкались вокруг. Акия тут же решила вернуться к стоянке.

– Очи мои чтоб не видели никого тут! Ясно молвлю? Тут жуть творится, и до тех пор, пока я не очищу место, не подходить! Не то придушу! Впущу потом каждого сюды. Идите копать старое место. Весточку сей же час, как проход откроете! – Мастер перекрикивал даже реку, несмотря на свои почтенные лета. Грозная речь охладила гневные взгляды и мысли тех, кто хотел силой войти в новую пещеру. После ухода люда, Пиляй повернулся к трём самым верным и лучшим искателям: Винуру, Хсанаю и Акции. – Вот... Ах да, в той комнате самоцветы не трогать, особенно тот, что в середине полёживает. Дурные мысли посещают меня при взоре на него. Руны запишите все до единой. Нам надобно узнать, какое послание нам дано. А ты, моя негодная, держи свой камушек подальше, не то худо случится. Лучше у входа оставь, кроме нас тут никто не тронет. Айда за дело!

Два дня дались нелегко: освободили комнату от завала, поставили факелы, записали на кусказ бересты всё, что только видели и могли прочесть. Руны здесь означали новые слова, каких не было записано. Мастер от сильных дум высовывал язык и вытирал лоб в попытках найти значения, но ответ ему не давался.

– Хсанай, скажи, а ты видишь, что камни сложены так, словно напоминают голову? – Акия задумчиво задала вопрос искателю, что устало сидел подле неё и всматривался своими маленькими глазами вглубь комнаты.

– Больше на куриное яйцо, чем на голову. Я, будь моя воля, взял камень и посмотрел. Будь что будет! Так можно до старости гадать, что говорят эти руны, – низкий уставший голос мужа разносился по пещере и много раз отражался эхом.

– Мы так можем навлечь беду, с которой не знаем путей борьбы, мой друг, – тут заговорил уже Винур, что лежал почти у самого входа в пещеру. – Оставь такой подход к бою на коне, а тут иначе. Один мах руки – и худо. Там, думаю, пишется что-то о том, что из него не надо делать оберег, как из

других.

– А я думаю, что этот камень держит в себе... нечто на тьму мирскую похोजее. Вон те руны говорят, мол, «чернь опустится на бытие». Дальше... не знаю, – девица задумчиво крутила уголёк в пальцах. – А что, коли тут...

Мысль не дали окончить резкие крики Мастера. Все трое искателей, как ветер, выскочили наружу. У входа стояло семь дружинников в кольчуге с мечами наголо, один держал за горло испуганного старика. У воеводы на шее висел яркий Оаль⁴, а на груди всех нашито солнце и гора – герб, кому служили. Молчание нарушили незваные гости:

– Именем Великого князя Велеслава, сообщая, вы грязно ослушались грамоты сих земель. Нам непременно следует увезти всех вас на суд справедливый!

– Мы... мы искали древние кости, а нашли... – мастер Пиляй пытался говорить, но десница дюжего молодца не давала молвить и слова.

– Нам знамо все дела, коими тут ворочаете! Держать ответ перед князем нашим. Мужи, в телегу его, а с этими... бросьте тут, – воевода их махнул на троицу, что как вкопанная стояла у входа в пещеру. – В мешок все самоцветы, ходы древние порушить, дабы повадно не было остальным!

– Вы не посмеете! Не сдюжить с той силой, что таится внутри. Она сожрёт вас с костями, очернит детей до третьего колена. Вы пожалеете... – не своим низким страшным голосом заговорила Аксия, когда двое из дружины стали подходить к ней. Придать веса словам помог меч, что рука вынула из своих ножен. Винур и Хсанай в страхе достали свои клинки, пятясь к горе.

Гулко расхохотались все дружинники, особенно те, кто стоял ближе к пещере:

– Брось кочергу свою, ветрогонка. Гляди, Черногор, каки смелые! Убери, не то порубим на куски – мать родная не узнает! Не скаль зубы, ибо пригодятся тебе, когда от алчбы⁵ подыхать станешь, – они продолжали хохотать, когда девица подошла ближе и в мгновение ока рассекла шею первому ближнему недругу. И понеслась сеча...

Второй молодец оказался не быстрее первого, поэтому с рассечёнными ногой и лицом упал на камни, вопя от боли. Другие пятеро ринулись на искателей, выкрикивая грязные ругательства. Звенела сталь, лилась кровушка: Винур держал двоих, пока девица уводила на себя воеводу Черногора. Хсанай ловко дрался с двумя: он прыгал вокруг, уходил от недругов и сыпал мелкими ударами по ногам. Один молодец ослаб от ран и упал в реку, и его тут же течение унесло. Другой дружинник оказался хитрее и обманул коварными движениями, оборвал судьбу искателя. Двое, Аксия и Винур, держались спина к спине, повалили ещё двоих дружинников. Оберег

---

4 Красный самоцвет.

5 Алчба – голод.

у воеводы разгорался всё ярче, и удары становились яростнее, один такой взмах молодец-искатель отразить не смог – с могучей силушкой меч недруга опустил на грудь к самому сердцу, ломая кости. Девушка видела эту смерть. Кровь внутри закипела сильнее, нечеловеческий крик вырвался из уст. Клинок засвистел так, что глазу не увидеть. Страшный взмах оставил плечи ещё одного дружинника без головы.

Тяжело дыша, остались они вдвоем – Аксия и Черногор.

– Ха-ха... славный бой получился... Будет чего внукам рассказать. Доселе не видел, чтоб баба так мечом махала! Кто научил? Молчишь? Пусть. Твоя судьба – остаться здесь и сгинуть от моей десницы! – воевода улыбался, словно хищник. Его ум уже охватывал жар камня, что стучал на шее.

Сейчас он стал намного грознее, чем раньше. Красный самоцвет давал носящему силу всемогущую, но ловкость забирал и здравомыслие. Девушка понимала, что устала и не сможет продолжать бой. За пару прыжков она ушла к пещере, где тут же её настиг недруг. Она успела пригнуть голову от острия, что летело к ней. Железо отсекло рыжую косу и оставило порез на шее. Аксия неумело попыталась выбить меч у противника, но получила страшный удар ногой в грудь и повалилась внутрь горного жилища. Боль была такая, что хотелось кричать, но девушка скоро оказалась на ногах. Верный клинок остался снаружи, держался только кинжал за поясом. Враг тяжёлой поступью шёл за ней.

Горе девушке-искателю – прятаться оказалось негде, кроме места с чёрным самоцветом, где стояла непроглядная тьма. Там и решила затаиться. Черногор сопел и медленно ступал по камням, вглядываясь в каждый проход и давая глазам привыкнуть к темноте. Как только он нашёл чудное место, то сразу заговорил:

– Так вот оно как... Убогий и мелкий кусок камня, как и... – Аксия не дала ему договорить и напала из тени. Воевода только и успел, что вскрикнуть – коварный кинжал пронзил десницу, в которой держал меч. От второго удара в шею он увернулся, здоровой рукой схватил девушку за платье и швырнул в конец хода, где она ударилась о камни. От страшной боли она свернулась и зарыдала.

– Как я и сказал, ты сгинешь здесь... – воевода князя поднял оружие смерти шуйцей⁶ своей. Он подошёл к деде, занёс свой меч и всей тяжестью опустил его. Железо ударило о камень. Аксия доползла до кинжала и с трудом вставала на ноги. Между ней и недругом возник мастер Пилай, который держал в дрожащих руках меч одного из дружинников:

– Угомонись, окаянный! Уходи и скажи князю, что ничего тут нет!

– Ага... и чтоб меня при людях вздёрнули?! Меня хозяин золотом одарит, землю даст в придачу! Не бывать тому!

Один широкий взмах израненного и безумного богатыря оборвал жизнь Мастера. Молодая дева успела только махнуть кинжалом, когда холодное железо пронзило и её. Наступила оглушающая тишина. Черногор свалился на землю – кинжал вошёл в висок по самую рукоять. Больше нет врагов, но жизнь утекала из Акции быстрее горной реки. Она только и успела надеть дядин подарок на шею, заплакать и упасть на холодный камень пещеры.

Чёрный самоцвет всё сильнее втягивал в себя свет факелов. Круг, что сдерживал его, больше не имел силы. Кровь пролилась на его грани. Затряслась земля, и страшный леденящий ветер задул с севера на юг, предвещая беду.

***

В своих прекрасных хоробах князь Велеслав не спал вот уже три ночи. Ни одной весточки не пришло с тех пор, как он отправил свою бравую дружину к северным горам покарать вольнодумцев, что хотели вразрез его воли искать редкие самоцветы. Ему не терпелось узнать, что произошло там. Он велел привезти мастера Пиляя живым, но чуюло сердце – не получилось. Стук конских копыт прервал его думы. Одинокий всадник скакал в кремль, Велеслав подпоясался верным мечом и спустился вниз в гридницу, где по обычаю принимал гостей. Двери уже были открыты, и посреди комнаты стоял незнакомец в сером плаще, голову покрывала накидка.

– Черногор? Это ты? Скажи мне что-нибудь! – удивлённый голос князя громко прозвучал в пустой комнате.

– Не-ет... – женский зловеющий шёпот пронёсся в голове Велеслава. – Убийца... Ты... Убогое дитя...

На этих словах незнакомка вышла наружу. Ничего непонимающий князь выкрикнул стражу, спускаясь к дверям во двор. Он никогда не боялся, но увиденное бросило его в холодный пот: в ночной тьме у его палат стояли его три десятка храбрых молодцев, но не шелохнулись. В центре них стояла незваная гостья с мечом наголо и медленно шла на князя.

– Дерись, и держи ответ за всё, что ты сделал! – шёпот стал гневным, полным ненависти.

– Да что ты такое?! Никто не смеет мне погибелью грозить! Я и есть по-ги-бель! – яростно выкрикнул Велеслав и ринулся на недруга.

Она играючи уходила от его клинка, вытягивая из него силы. В пылу боя князю удалось снять накидку с головы. Его взору открылось бледное лицо молодой девицы, полностью седой и с бесцветными глазами. На шее висел иссиня-чёрный самоцвет с зелёным свечением, размером не более игольного ушка.

– Вот что ты сделал со мной! – женский голос перешёл в крик. – Не знаю, кто я... Но знаю одно – твоя жизнь моя. И сей же час я заберу её...

Князь дрался, словно во всех доспехах, силы утекали из него чудовищно быстро. Одна ошибка дорого обошлась – в мгновение ока он лишился руки, а потом его крик резко прервался ударом меча в горло.

Она вынула клинок из бездыханного тела князя и бросила его на землю. Подошла к хоромам и села на пороге. Зарыдала горькими слезами, проклиная судьбу и то, как её жизнь повернулась. Молчаливая дружина продолжала стоять, глядя своими бесцветными глазами. Завыл холодный ветер.

Так начались худые времена.

Так началось правление Акции – великой княгини мёртвых.